

Tablet B.-5/1919
(P) XIX

К. А. Лихвиченко.

И. 75. 779

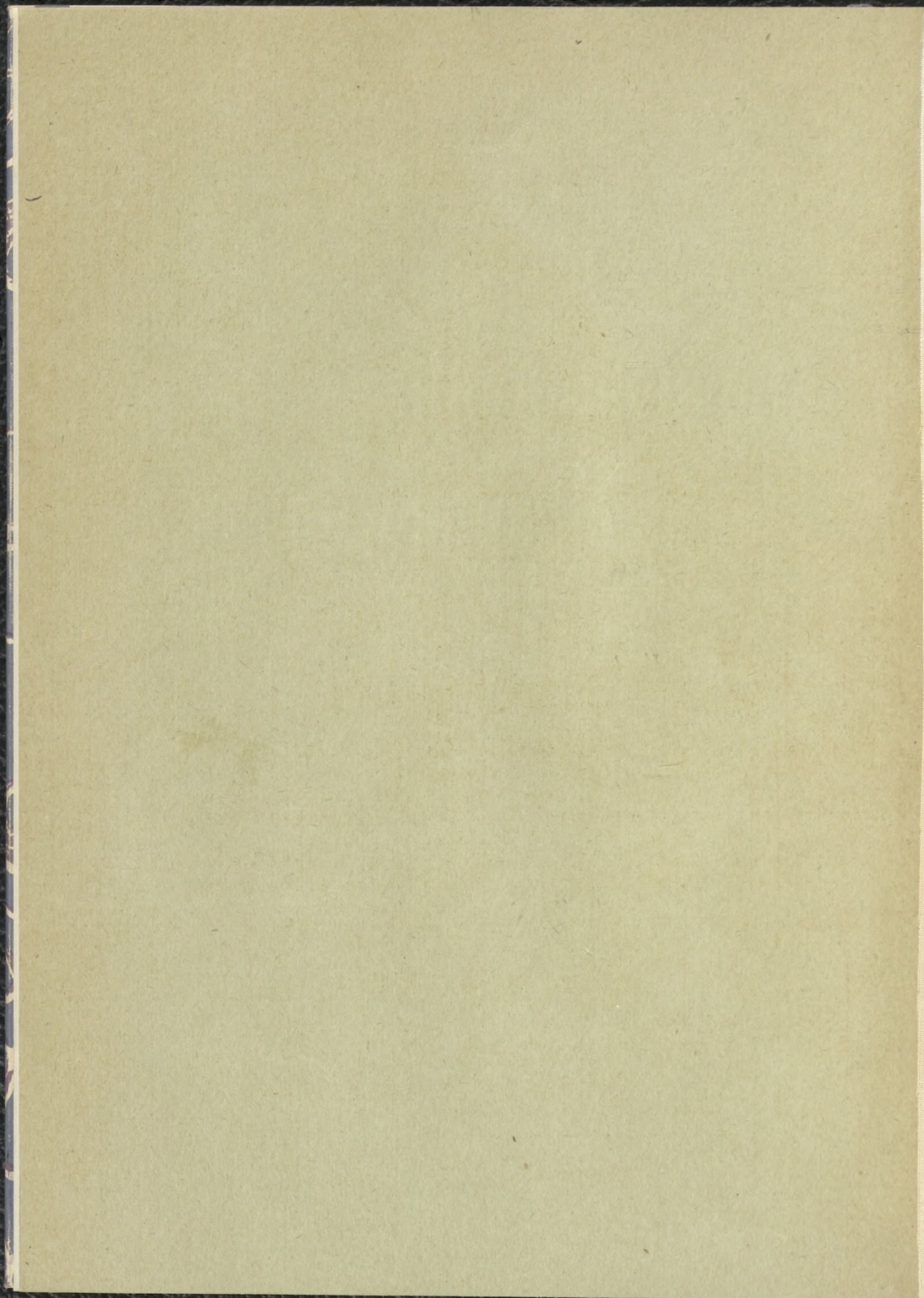
Воспоминанія старого друга.

(O Storožence)

 Печатня А.И. Снегиревой Москва.

1909.

Воспоминанія старого друга.

И. Я. Лижиченко.

Лж.

II. 43. 779

Biblioteka Narodowa
Warszawa

30001017623733

N. 8925 / 1922

Воспоминанія стараго друга.

Въ числѣ университетскихъ товарищей, съ которыми меня сблизили общія научныя занятія и симпатіи, особенно тѣсныя отношенія установились у меня съ моимъ однокурсникомъ, А. В. Стороженкомъ. А. В. учился въ Москвѣ въ Катковскомъ лицѣѣ, но, съ переѣздомъ родителей въ Кіевъ, поступилъ въ одинъ годъ со мною въ кіевскій университетъ. Прекрасно подготовленный, весьма усидчивый, большой любитель книгъ, этотъ юноша спокойнаго и мягкаго характера особенно близко сошелся со мною во время одной изъ университетскихъ исторій характера очень мелкаго, но приведшей нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей къ временному удаленію изъ университета, а меня къ выговору. Я хорошо уже тогда зналъ направленіе того учебнаго заведенія, въ которомъ А. В. прошелъ курсъ средняго образованія, и меня нѣсколько удивляло то, что на міровоззрѣніи А. В. не было замѣтно слѣдовъ вліянія и специальной шлифовки первой его alma mater. Причина этого обстоятельства выяснилась для меня только впоследствии. А. В. много мнѣ рассказывалъ о Москвѣ, о своихъ преподавателяхъ, знакомствахъ, но съ особенной симпатіей и уваженіемъ онъ отзывался о своемъ двоюродномъ дядѣ, тогда доцентѣ московскаго университета, Н. И. Стороженкѣ. Рассказы его пополнялъ отецъ А. В., Владимиръ Андреевичъ, когда-то служившій въ Семеновскомъ полку, затѣмъ въ гражданской службѣ,

рано вышедшій въ отставку и ведшій спокойную жизнь зажиточнаго помѣщика. В. А. очень любилъ своего двоюроднаго брата Н. И. и даже немного гордился родствомъ съ ученымъ профессоромъ.

Однажды, въ концѣ мая или началѣ іюня, когда семья А. В. уже уѣхала на лѣто въ деревню, а онъ еще оставался въ городѣ для окончанія экзаменовъ, А. В. пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что его двоюродный дядя прибылъ въ Кіевъ. Н. И. обѣщаль придти къ нему завтракать, и А. В. приглашалъ и меня для знакомства съ московскимъ ученымъ.

Въ назначенный часъ я, конечно, былъ на мѣстѣ. Вскорѣ подошелъ и Н. И. Его неправильное, но удивительно симпатичное лицо, живость, юморъ, какая-то неподражаемая мягкость и деликатность обращенія сразу привлекли меня къ нему. Нашлось многое, о чемъ поговорить—мое имя навело его на рядъ воспоминаній—оказалось, что мы далеко не чужіе. Н. И. учился въ той же, что и я, кіевской I гимназіи, которую окончилъ, правда, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, но въ числѣ преподавателей у насъ оказалось нѣсколько общихъ, а главное оказалось, что мой отецъ, начавшій службу преподавателемъ исторіи и словесности, нѣкоторое время былъ и его преподавателемъ. Н. И. не только учился въ I кіевской гимназіи, но и жилъ въ ея пансіонѣ. Къ мѣсту своего воспитанія онъ сохранялъ очень трогательный піэтеть, выразившійся въ немного даже сантиментальной формѣ—нѣкоторый сантиментализмъ былъ одной изъ отличительныхъ сторонъ его мягкой и чувствительной натуры,—и впоследствии, въ болѣе чѣмъ зрѣломъ возрастѣ. Н. И. не могъ равнодушно читать чувствительныхъ литературныхъ произведеній, его голосъ начиналъ дрожать, и слезы выступали у него на глазахъ. Помню очень хорошо, какъ однажды онъ началъ чтеніе „Смерти Ивана Ильича“, только что тогда появившейся въ печати, но скоро голосъ его сталъ дрожать, въ глаза навернулась слеза, и я долженъ былъ за него окон-

чить чтеніе. Въ каждый свой прїѣздъ въ Кіевъ Н. И. неизмѣнно отправлялся на поклоненіе мѣсту своего воспитанія. Кіевская I гимназія въ его время помѣщалась въ Липкахъ; домъ гимназіи въ мое время принадлежалъ уже частному владѣльцу, но Н. И. вызывалъ неизмѣнно дворника, вручалъ ему соотвѣтственную мзду, заходилъ въ садъ при домѣ и отыскивалъ дерево, на которомъ гимназистомъ вырѣзалъ свои инициалы.

Въ гимназіи Н. И., несомнѣнно, пользовался большой любовью товарищей, съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ и впослѣдствіи сохранилъ близкія дружескія отношенія. Въ числѣ любимыхъ словечекъ Н. И. было слово *душканъ*, примѣняемое имъ къ особамъ женскаго пола, къ которымъ онъ всегда сохранялъ настоящія рыцарскія, средневѣковыя отношенія. Это слово—отголосокъ очень трогательнаго эпизода его гимназическаго пребыванія: одинъ изъ его пансіонскихъ товарищей тяжело заболѣлъ; когда онъ былъ уже при смерти, Н. И. зашелъ къ нему проститься; бѣдный мальчикъ открылъ глаза и, увидавъ любимаго товарища, сказалъ ему: „прощай, черный душканъ“; этихъ предсмертныхъ словъ Н. И. никогда не могъ вспоминать безъ слезъ.

И въ такое же чувствительное, мечтательное настроеніе приходилъ всегда Н. И., вспоминая или слушая литературное или музыкальное произведеніе съ которымъ были связаны какія-либо дорогія воспоминанія. Такими были, напр., романсъ *una furtiva lagrime* одной изъ оперъ Доницетти, серенада Донъ-Жуана Моцарта, стихотвореніе Майкова „Когда она вошла въ небесныя селенья“, Фета „Я пришла къ тебѣ съ привѣтомъ“. Изъ шекспировскихъ типовъ ему симпатичнѣе всѣхъ былъ Отелло; онъ любилъ повторять опредѣленіе сущности этого типа у Достоевскаго: Отелло не ревнивецъ — онъ искалъ идеала, онъ вѣрилъ въ него, а когда потерялъ вѣру въ идеалъ, для него погибъ и смыслъ жизни.

Наше первое свиданіе было не долго. Второе свиданіе произошло вскорѣ, когда Н. И. привезъ въ Кіевъ

своего больного отца. Ему сняли катаракты, и онъ долженъ былъ оставаться долгое время въ темной комнатѣ, что крайне раздражало капризнаго старика. Съ свойственнымъ ему юморомъ Н. И. передавалъ, сколько труда стоило ему убѣждать отца не выходить изъ темной комнаты на свѣтъ: „ую жизнь командовавъ и теперъ хочу командовать“, твердилъ упрямый старикъ, которому, впрочемъ, тогда было подь девяносто лѣтъ. Впослѣдствіи Н. И. не разъ вспоминалъ разные эпизоды изъ жизни отца, отъ котораго, несомнѣнно, наслѣдовалъ свой природный юморъ.

Илья Яковлевичъ, потомокъ старинной малорусской фамиліи (въ числѣ его предковъ были и полковники малорусскіе), въ молодости служилъ въ военной службѣ и долго былъ ремонтеромъ. Разъѣзжая по ярмаркамъ для покупки лошадей въ ремонтъ, онъ нерѣдко попадалъ въ критическое положеніе, изъ котораго выпутывался, благодаря присутствію духа и самообладанію. Такъ, однажды, онъ остановился на постояломъ дворѣ въ какомъ-то мѣстечкѣ; обдѣлавъ свои дѣла, И. Я. велѣлъ запрячь свою брычку и поѣхалъ домой; отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ мѣстечка, онъ вдругъ хватился шкатулки, въ которой возилъ съ собою изрядныя суммы на покупку лошадей. Ничего не говоря хлопцю, онъ велитъ вертать назадъ. Доѣхавъ до мѣстечка, онъ вылѣзъ изъ брычки у околицы и медленно направился къ двору, гдѣ стоялъ; войдя въ ворота, онъ встрѣчаетъ дѣвку-прислужницу. „Чи не бачила ты шкатулки, що була зо мною?“— „А якъ же! хозяинъ казавъ її вынести до ледника“.— „А ну принеси.“— Дивка вынесла ему шкатулку; ремонтеръ, убѣдившись, что ее не открывали, ограничился поцѣлуемъ благодарности и спокойно направился къ брычкѣ за околицу.

Въ другой разъ И. Я., пріѣхавъ на какую-то ярмарку, присталъ на постояломъ дворѣ, оставилъ тамъ брычку и своего хлопця, а самъ отправился смотрѣть лошадей. Его очень хорошо знали на ярмаркѣ, а свѣдущіе люди знали, что у него въ шкатулкѣ всегда

солидный кушъ денегъ. Вскорѣ послѣ его ухода прибѣгаетъ на постоянный дворъ какой-то еврей: „панъ приторговавъ коней, та пославъ мене за шкатулкою“. Какъ однако ни былъ простъ хлопецъ, но завѣтной шкатулки еврею не отдалъ: „Добре, то я понесу пану шкатулку“. Продѣлка не удалась, и еврей безслѣдно исчезъ.

Оставивъ службу, И. Я. поселился въ деревнѣ (с. Иржавцы Прилукск. у., къ которому присоединилъ потомъ покупкой и дер. Мармизовку) Полтавской губерніи, гдѣ жилъ безмятежной жизнью помѣщика стараго времени. Н. И. съ неподражаемымъ юморомъ рассказывалъ, какъ его отецъ выписывалъ вмѣстѣ съ со-сѣдомъ-братомъ пополамъ газету (кажется, Сынъ Отечества); разъ въ нѣсколько недѣль цѣлый пукъ газетъ получался изъ города съ оказіей. Половину №№ И. Я. отсылалъ брату, остальную понемножку пересматривалъ по вечерамъ въ свободное время. Приѣзжаетъ къ нему въ гости братъ, и за вечерей начинаются разговоры о политикѣ. „А Гарибальди с.с.с. уже въ Неаполи“. — „Де тамъ у Неаполи — винъ вже у Рими папу за бороду стащивъ“. — „Де тамъ у Рими, ще тилько у Неаполи. Та яжъ вчора читавъ“. — „Та и я вчора“. И идетъ безконечный споръ на эту тему, а собесѣдники не догадываются, что каждый читалъ разные №№ газетъ.

Н. И. любилъ вспоминать нѣкоторыя фразы отца, доказывавшія его непосредственный, чисто малорусскій юморъ. „Въ Бога треба вириты, бо добре якъ его нема, а якъ е?“ училъ старикъ. Однажды къ нему приѣзжаетъ попъ сосѣдняго села и за трапезой сообщаетъ слѣдующій ужасный случай: гдѣ-то, не то въ Тамбовѣ, не то въ Курскѣ, во время служенія архіерейскаго, исключенный семинаристъ подошелъ сзади къ архіерею, сидѣвшему въ полномъ облаченіи, и ударилъ его съ такой силой, что митра слетѣла у него съ головы. „Что вы на это скажете?“ закончилъ рассказчикъ. „Мабуть добре давъ, якъ и митра злетила“, отвѣтилъ невозмутимый слушатель.

Обиходный въ домѣ малорусскій языкъ Н. И. зналъ очень хорошо и превосходно читалъ малорусскія произведенія, преимущественно юмористическаго характера; особенно неподражаемо было его чтеніе двухъ произведеній его двоюроднаго дяди, А. Стороженка— „Вусы“ и „Не въ добрый часъ“. Въ мастерствѣ чтенія этихъ произведеній (онъ ихъ читалъ нерѣдко публично, особенно часто въ Лохвицѣ на литературныхъ вечерахъ, а также своимъ мармизовскимъ крестьянамъ) съ нимъ едва ли могъ конкурировать кто-либо изъ лучшихъ малорусскихъ артистовъ. Н. И. превосходно зналъ Шевченко и очень его любилъ; къ біографіи его онъ впоследствии далъ нѣсколько очень цѣнныхъ добавленій, извлеченныхъ изъ Архива III Отдѣленія.

Отмѣчу здѣсь фактъ, ярко свидѣтельствующій обаятельность личности Н. И. Получивъ разрѣшеніе изучить въ Архивѣ III Отдѣленія дѣло Шевченка и Кирилло-Меѳодіевскаго общества, Н. И. поѣхалъ для этого въ Петербургъ, но онъ могъ удѣлить лишь немного дней для архивныхъ занятій. Однако съ перваго же визита онъ такъ очаровалъ хранителей этого русскаго мартиролога, что неприступные и холодные чиновники добровольно согласились помогать ему въ перепискѣ необходимыхъ документовъ.

Въ идиллической обстановкѣ безмятежнаго помѣщичьяго житья въ благословенной Полтавщинѣ, окружавшей дѣтство Н. И., было однако одно очень грустное, темное пятно—болѣзненное состояніе матери Н. И. Смерть одной изъ дочерей разстроила ея нервную систему, и она много лѣтъ подрядъ вела очень странный образъ жизни—днемъ спала, а ночью бодрствовала, и этому странному режиму должны были подчиняться и дѣти. Я еще засталъ въ имѣніи Н. И. повара изъ старыхъ крѣпостныхъ, жестокаго пьяницу, но безподобно готовившаго чисто малорусскія кушанья, особенно любимыя Н. И., который десятки лѣтъ подрядъ готовилъ днемъ обѣдъ для отца Н. И., а ночью для его матери, и этой тяжелой жизнью Н. И. и объяснялъ

слабость своего Павла, остававшагося на службѣ у его семьи чуть не полстолѣтія.

Кромѣ сестеръ, у Н. И. былъ и братъ, скончавшійся отъ чахотки въ 60-хъ годахъ въ Крыму, куда его отвозилъ самъ Н. И. черезъ Одессу. Изъ одесскихъ воспоминаній Н. И. я запомнилъ прелестный его рассказъ, неподобно передаваемый имъ въ лицахъ. Н. И. въ ожиданіи парохода зашелъ въ кафедральный соборъ. Въ концѣ службы одинъ изъ священниковъ произнесъ проповѣдь на тему о современныхъ теченіяхъ мысли. Проповѣдь эта, произнесенная по-русски, но съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ проповѣдника-малоросса, вмѣстѣ съ вызваннымъ ею инцидентомъ цѣликомъ почти запечатлѣлась въ богатой памяти молодого кандидата, удивительно умѣвшаго подмѣчать смѣшное и мастерски его воспроизводить. „И сотворили они себѣ трехъ кумировъ—цивилизацию, эмансипацию и прогрессъ, а, по моему, есть одно—уваженіе къ властямъ преобладающимъ“. Во время проповѣди въ первомъ ряду передъ проповѣдникомъ стоялъ настоящій капитанъ Копейкинъ—отставной пожилой военный, съ болтавшимся на мѣстѣ руки рукавомъ стараго военного сюртука и съ костылемъ подъ другой, еще наличной рукой. Былъ ли онъ, какъ его прототипъ, обиженъ неполученіемъ заслуженной пенсіи, или по другимъ причинамъ впалъ въ острый пессимизмъ, но только проповѣдь священника почему то очень не пришлась ему по душѣ, и онъ поднялъ костыль, неожиданно для всѣхъ прервалъ проповѣдника громкимъ и сердитымъ восклицаніемъ: „какія тамъ власти! нѣтъ властей!“ Въ храмѣ произошелъ переполохъ. Стоявшій невдалекѣ отъ Копейкина приставъ сначала совершенно остолбенѣлъ отъ ужаса, но внезапно, придя въ себя, кинулся къ несчастному старику, заткнулъ ему ротъ каской, и черезъ секунду деревяшка старца замелькала въ воздухѣ—его вмѣстѣ съ его опорой въ одинъ моментъ пронесли черезъ храмъ къ выходу.

И подобныхъ разсказовъ—то полныхъ чисто мало-русскаго юмора, то соединявшихъ въ себѣ комическое съ трагическимъ—наряду съ цѣлой хрестоматіей всевозможныхъ стихотворныхъ произведеній, до обширныхъ поэмъ включительно, была полна рѣдкая память Н. И. Когда онъ бывалъ въ ударѣ, это былъ несравненный собесѣдникъ: градъ шутокъ безобидныхъ, граціозно-шутливыхъ подемѣваній надъ слабостями пріятелей, экспромптовъ, стиховъ, разсказовъ онъ высыпалъ передъ близкимъ ему обществомъ, точно изъ неистощимаго рога изобилія, и заражалъ всѣхъ милымъ веселіемъ. Н. И. умѣлъ шутить, какъ никто; чувство художественное, безконечная его доброта и деликатность подсказывали ему границу, гдѣ оканчивается безобидная шутка и переходитъ въ насмѣшку; онъ шутилъ и подшучивалъ очень часто, но не могло быть случая, чтобы кто нибудь оскорблялся его шуткой—наоборотъ, въ его милыхъ шуткахъ всегда звучала нотка привязанности къ тому, на кого онъ направлялъ стрѣлы своего безобиднаго и талантливаго юмора. Не могу не вспомнить здѣсь эпизода одной шутки по моему адресу. Дѣло происходило въ деревнѣ у Н. И., у котораго я проводилъ каждое лѣто въ теченіе многихъ лѣтъ. Однажды я получилъ рядъ телеграммъ, такъ какъ засидѣлся у Н. И., а дѣла требовали моего возвращенія. Н. И. подшучивалъ надъ этими частыми телеграммами, придавая имъ такое значеніе, котораго онѣ не имѣли. Желая поддерживать шутку, я не давалъ ему прочитывать полученныхъ мною телеграммъ. Однажды, когда мы всѣ сидѣли за чаемъ, мнѣ принесли телеграмму. Распечатываю и читаю—содержаніе очень странное; я пожалъ плечами и спряталъ телеграмму въ карманъ. „Что такое? неприятность?“ стали допытываться всѣ. Я отвѣтилъ, что телеграмма вздорная, не стоитъ и показывать. Меня убѣждаютъ показать, я отказываюсь. Вдругъ Н. И. замѣчаетъ: „Ну, я узнаю содержаніе сейчасъ, хотя вы мнѣ телеграммы и не хотите показать“. — „Какимъ обра-

зомъ?“— „Посредствомъ чтенія мыслей—хотите попробовать?“— „Извольте“.— Н. И. завязываетъ себѣ глаза, беретъ мою руку—и черезъ минуту воспроизводитъ на бумагѣ все содержаніе моей телеграммы; я дѣйствительно въ первую минуту былъ пораженъ, такъ какъ нѣсколько не сомнѣвался въ подлинности телеграммы. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа Н. И., наконецъ, чтобы вывести меня изъ удрученнаго состоянія, сознался, что вся исторія—шутка: онъ взялъ старую телеграмму, вытеръ ея содержаніе и, написавъ новую, отдалъ человѣку съ тѣмъ, чтобы мнѣ ее вручить, какъ якобы прибывшую съ эстафетой. Впрочемъ, вся эта шутка была отместкою мнѣ за шутку, которую я себѣ позволилъ въ первый мой прїѣздъ въ Мармизовку, что произошло въ тотъ годъ, когда Н. И., послѣ смерти отца, сталъ проводить все лѣто въ своей усадьбѣ. Въ это лѣто у Н. И. гостилъ нашъ общій прїятель, В. И. Семевскій. Въ началѣ іюня получаю письмо отъ Н. И., приглашающее меня провести у него лѣтнія каникулы; Н. И. сообщаетъ, что В. И. Семевскій уже у него гоститъ. Черезъ нѣсколько дней я собрался въ поѣздку, не извѣщая Н. И. телеграммой о днѣ прїѣзда. Не желая стѣснять его присылкой лошадей на станцію, отъ которой его усадьба отстояла на цѣлыхъ 35 верстѣ, я поѣхалъ круговымъ путемъ на его уѣздный городъ Лохвицу, отъ котораго до Мармизовки также около 30 верстѣ; здѣсь я принанялъ извозчика и, не спѣша, двинулся въ путь. На срединѣ дороги вижу—летитъ тройка съ приподнятымъ кузовомъ экипажа (шелъ дождь). На проселочныхъ дорогахъ путники любопытны—ѣхавшій въ экипажѣ взглянулъ посмотрѣть на встрѣчнаго, и мы оба тотчасъ задержали лошадей и выпрыгнули изъ экипажей: мой встрѣчный былъ В. И. Семевскій, ѣхавшій погостить на нѣсколько дней къ сестрѣ Н. И. верстѣ за 30. Переговоривъ съ В. И., я отправился дальше, и, такъ какъ мой возница плохо зналъ дорогу, то мы успѣли добраться до Мармизовки только къ 10 часамъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло. Въѣзжаю во

дворъ, по старому обычаю весьма обширный, съ круглымъ палисадникомъ въ центрѣ. На звонъ колокольчика (колокольчикъ—событіе въ деревнѣ) выходитъ на крыльцо Н. И. и О. И. Крыльцо не было освѣщено. Внезапно мнѣ приходитъ на мысль сыграть Н. И. маленькую шутку. Надвинувъ шляпу, я подхожу къ Н. И. и рекомендую: „Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ“.—„Милости просимъ“.—„У васъ находится извѣстный социалистъ В. И. Семевскій“.—„Поми-луйте, какой же онъ социалистъ?“ выразилась О. И.—„Но его теперь здѣсь нѣтъ“.—„Да, но мы можемъ вамъ сказать, куда онъ уѣхалъ“.—„Кромѣ того, Вы ждете къ себѣ на дняхъ другого социалиста“—называю себя. Н. И. засмѣялся: „ну, какой же И. А. социалистъ—онъ домо-владѣлецъ! Знаете что, напишемъ съ Вами комическое донесеніе“.—„Милостивый Государь, прошу не относиться такъ къ распоряженіямъ начальства... Я долженъ буду сдѣлать у Васъ обыскъ“.—„Несчастный В. И., нигдѣ ему нѣтъ покоя“, сказала О. И.—„Сдѣлайте одолженіе“,—холодно—вѣжливымъ тономъ пригласилъ Н. И.: „пожалуйте въ его комнату“. Но тутъ я самъ разсмѣялся, принесли свѣчи, и шутка раскрылась...

Такія взаимныя шутки были вполне во вкусѣ Н. И. Во времена студенчества Н. И. жилъ въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ. Однажды на Пасху въ квартиру, гдѣ жилъ Н. И. съ какимъ-то товарищемъ, пришелъ священникъ-старичокъ съ молитвою. Н. И. вышелъ къ нему и заявилъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ его принять, такъ какъ онъ огнепоклонникъ, а его товарищъ—мормонъ. Старичокъ перекрестился: „70 лѣтъ живу на этомъ свѣтѣ, а о такихъ религіяхъ не слыхалъ“.

Изъ университетскихъ товарищей Н. И. были особенно близки Александръ Н. Веселовскій (старше его курсомъ), Рассадинъ и Гладкій. Къ первому онъ относился съ глубочайшимъ уваженіемъ и считалъ его однимъ изъ первыхъ знатоковъ всеобщей литературы въ Европѣ. Что касается остальныхъ двухъ, то Н. И. много раз-

сказывалъ объ ихъ похожденіяхъ и съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминалъ объ этихъ даровитыхъ личностяхъ; изъ нихъ одного погубила несчастная слабость многихъ русскихъ талантливыхъ людей, а другого — неудержимая слабость къ прекрасному полу. Н. И. мечталъ написать біографіи обоихъ подъ заглавіемъ „Изъ исторіи русскихъ неудачниковъ“; собиралъ біографическіе о нихъ матеріалы, оставшіяся послѣ нихъ бумаги, но, постоянно занятый массою работы, этихъ біографій не написалъ. Кромѣ А. Н. Веселовскаго, Н. И. сблизился и съ его братьями и особенно съ Алексѣемъ Н., къ которому хранилъ нѣжнѣйшую дружбу въ теченіе всей жизни. Пріятелямъ своимъ Н. И. любилъ давать дружескіе псевдонимы-клички, съ которыми всегда обращался къ нимъ при встрѣчѣ и въ письмахъ. Такъ, В. И. Сизовъ превратился у него въ Гизо (а Гизо, говоритъ, былъ Сизо, говоритъ), и этимъ стихомъ Н. И. всегда встрѣчалъ вѣчнаго студента, милѣйшаго и незабвеннаго В. И. А. Н. Веселовскаго онъ въ письмахъ всегда называлъ поручикъ, а его корреспондентъ титуловалъ его кандидатомъ. И. И. Янжуль, съ которымъ онъ сблизился въ Лондонѣ, гдѣ оба работали одновременно надъ диссертациями, превращался у него въ Джунджулію.

Первая поѣздка Н. И. въ Англію для занятій вопросомъ, бывшимъ всю жизнь центромъ его ученыхъ симпатій — шекспирологіей, произошла при весьма оригинальныхъ обстоятельствахъ. Н. И., по окончаніи университета, жилъ на средства, добываемыя имъ уроками; отецъ его былъ скуповатъ, и Н. И., хотя и чувствовалъ необходимость заграничной поѣздки для своихъ научныхъ занятій, но, за недостаткомъ средствъ, поѣздка эта была пока мечтой.

Уже тогда хорошо знакомый съ шекспировскимъ вопросомъ, молодой кандидатъ объявилъ однажды (разумѣется, съ благотворительной цѣлью) рядъ публичныхъ лекцій о Шекспирѣ. Лекціи его имѣли успѣхъ; въ одной изъ газетъ довольно извѣстный тогда лите-

раторъ Прыжовъ, такъ печально окончившій свои дни, написалъ отчетъ о лекціяхъ молодого ученаго; весьма одобрительно отнесшись къ знаніямъ и способу изложенія лектора, критикъ въ заключеніе пожелалъ ему побывать на родинѣ великаго драматурга и тамъ еще ближе изучить шекспировскій вопросъ. Статью Прыжова Н. И. переслалъ отцу въ деревню. Старикъ-отецъ настолько былъ польщенъ успѣхами ученаго сына, что расчувствовался и далъ ему средства на заграничную поѣздку. Н. И., мечты котораго такъ неожиданно осуществились, нашелъ необходимымъ лично поблагодарить литератора, совершенно случайно оказавшаго ему столь важную услугу. Прыжовъ былъ литераторомъ-любителемъ, а по профессіи экзекуторомъ губернскаго правленія—его можно было найти или на службѣ, гдѣ онъ проводилъ половину дня, или въ излюбленномъ трактирѣ, гдѣ онъ неизмѣнно оканчивалъ день въ тѣсной компаніи съ Бахусомъ. — Его главный трудъ „Исторія кабаковъ въ Россіи“—явился результатомъ его несчастнаго пристрастія къ этимъ специфически-русскимъ заведеніямъ. Для перваго официальнаго визита Н. И. отправился къ мѣсту служенія экзекутора-писателя. Придя довольно рано, Н. И. узналъ, что Прыжова еще нѣтъ; онъ сѣлъ, его поджидая. Черезъ нѣкоторое время внизу хлопнула дверь. Сидѣвшіе въ комнатѣ—подчиненные экзекутора, какъ по командѣ, поднялись съ мѣста, выстроились въ два ряда, а одинъ изъ нихъ, поднявъ огромный гробухъ, вышелъ впередъ къ дверямъ. Внезапно съ шумомъ раскрываются двери присутствія, и въ нихъ появляется самъ начальникъ въ шубѣ, шапкѣ и калошахъ. Предводитель поднимаетъ горѣ, на манеръ діакона, гробухъ и густымъ басомъ провозглашаетъ: „Экзекуторство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. — „Аминь“, отвѣчаетъ привѣтствуемый. „Здорово, ребята!“ — „Здравія желаемъ, ваше экзекуторство!“ Театральнымъ жестомъ начальникъ сбрасываетъ шубу на руки курьера, подходитъ къ столику, гдѣ уже были

приготовлены графинчикъ и закуска, наливаетъ рюмку, поднимаетъ ее вверхъ съ тѣмъ же привѣтствіемъ, которому хоромъ попрежнему отвѣчаютъ подчиненные, выпиваетъ и съ величавымъ жестомъ оканчиваетъ: „угощайтесь!“ И такая сцена повторялась изо дня въ день.

Много лѣтъ спустя, когда несчастный экзекуторъ-писатель томился въ ссылкѣ въ далекой Сибири, случайный его клиентъ старался, чѣмъ могъ, помочь несчастному ссыльному, понесшему наказаніе, далеко не соотвѣтствовавшее его винѣ. Прыжовъ присылалъ ему изъ мѣста ссылки статьи, правда, уже очень безцвѣтныя. Н. И., кажется, не нашелъ возможнымъ отдать ихъ для напечатанія, но я сильно подозреваю Н. И. въ высылкѣ автору гонорара за никогда не появлявшіеся въ свѣтъ труды.

Шутливый, заразительно веселый тонъ бесѣды Н. И. въ интимномъ кругу — совершенно преобразался на кафедрѣ или въ кабинетѣ во время учено-дѣловыхъ совѣщаній съ учениками или другими лицами (имя имъ легионъ), приходившими къ нему за совѣтами и за учеными и литературными справками. Если говорить, что *le style c'est l'homme*, то это только отчасти примѣнимо къ Н. И. Цѣлая сторона его богатой и разнообразной личности, его природный талантливый южнорусскій юморъ — какъ бы совершенно выпадаетъ въ этой сферѣ его дѣятельности. Его лекціи — характера чисто академическаго; въ нихъ онъ никогда не позволялъ себѣ ни шутокъ, ни остротъ, ни пикантныхъ словецъ или прозрачныхъ намековъ, на которые такъ падки многіе ораторы, глубоко убѣжденные, что всякая пища безъ приправы слишкомъ прѣсна для слушателей. Его чтенія и статьи, правда, даютъ вѣрное представленіе о глубочайшей сущности автора — его высокой гуманности, состраданіи къ человѣческимъ слабостямъ, его безпредѣльной добротѣ и неистощимомъ любвеобиліи. Но его мягкой, деликатной натурѣ не былъ сроденъ широкій пафосъ, громкія

слова, какъ молотомъ ударяющія по нервамъ слушателей—это былъ теплый, задушевный лиризмъ добрейшей и сердечнѣйшей души; онъ не увлекалъ слушателей отдѣльными восклицаніями, внезапными порывами, онъ дѣйствовалъ на нихъ всѣмъ общимъ тономъ содержанія, и темой для чтенія онъ бралъ неизмѣнно біографіи лицъ, гуманная дѣятельность которыхъ была особенно сродна его человѣколюбивой природѣ.—Его влекли къ себѣ пѣвцы человѣческой нужды и горя, Томасъ Гудъ, „геніальный горемыка“, апостолы гуманности и свободы, благородный фантазеръ Донъ-Кихоть, Этьенъ Доле. Общій смыслъ всѣхъ его трудовъ, какъ и всей его многосторонней дѣятельности, какъ бы резюмируется въ его собственной оцѣнкѣ значенія англійскихъ поэтовъ-реалистовъ: „великое нравственное значеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы не дать погаснуть въ нашей душѣ священной искрѣ состраданія къ меньшому брату“. Къ его писаніямъ вполне приложима его характеристика значенія Донъ-Кихота, одного изъ его любимыхъ героевъ: „отъ нихъ вѣтъ такой тишины и душевной ясностью—такой радостной вѣрой въ добро и истину, что они кажутся намъ поэтическимъ завѣщаніемъ, озареннымъ краткимъ и умирающимъ свѣтомъ его жизненнаго заката“.

Тайна обаянія личности Н. И. лежала не столько въ его безпредѣльной добротѣ и участливости къ чужому горю, сколько въ его душевной чистотѣ и безхитростности его дѣтски довѣрчивой и вѣрующей въ лучшія стороны человѣка природы. „Miseria, miseria“, повторялъ Н. И., узнавая о предосудительномъ проступкѣ, въ которомъ усматривалъ или чувствовалъ не столько злую волю, сколько несчастное стеченіе обстоятельствъ или слабость личной природы, мало способной бороться съ искушеніями. Но въ этомъ всепрощающемъ отношеніи къ человѣческимъ недостаткамъ была грань, за которую не простиралось его всепрощеніе: онъ прощалъ человѣку все, за исключеніемъ грѣха противъ Святаго Духа — нарушенія довѣрія,

умышленного коварства; къ лицамъ, запятнавшимъ себя подобными поступками, онъ относился съ какой-то физической гадливостью, и ему стоило большого уси-
лія, двойного, при рѣдкой деликатности его натуры, протянуть, если это было необходимо, руку подобному субъекту.

Другой отличительной чертой Н. И. было его уваженіе къ чужой личности, его поразительная душевная деликатность: къ чужой душѣ онъ относился, какъ къ мимозѣ, боясь даже случайнымъ намекомъ затронуть чье нибудь болѣзненное душевное мѣсто. И вотъ почему при первомъ знакомствѣ онъ казался всегда немного холодно-вѣжливымъ, хотя это ощущеніе проходило весьма быстро, какъ только Н. И. осваивался съ собесѣдникомъ и узнавалъ его спеціальные интересы. Отчасти это, быть можетъ, происходило и вслѣдствіе его природной застѣнчивости. Н. И., десятки лѣтъ читавшій и съ университетской кафедрой и передъ самой разнообразной публикой, никогда не могъ избавиться отъ серьезнаго внутренняго волненія передъ началомъ чтенія — чтенія публичныя были для него настоящимъ мученіемъ. Онъ до послѣдняго дня своихъ университетскихъ чтеній самымъ тщательнымъ образомъ готовился къ лекціямъ, о публичныхъ чтеніяхъ и говорить нечего — имъ предшествовала работа многихъ недѣль, но онъ передѣлывалъ и дописывалъ свои чтенія до послѣдняго момента, становился крайне разсѣянъ и задумчивъ, и даже по дорогѣ къ лекціямъ еще обдумывалъ то вступленіе, то окончаніе, то какой нибудь эпизодъ лекціи. Характерно то, что онъ составилъ себѣ цѣлую теорію качествъ лектора и успѣха вліянія его на слушателей, но самъ никогда ее примѣнять не могъ; вопреки своей теоріи, онъ всегда находился подъ давленіемъ слушателей — ему всегда казалось, что или его лекція недостаточно обработана, или недостаточно занимательна, или плохо прочитана.

Дѣтски - безхитростная и кристально - чистая душа Н. И. была абсолютно недоступна вліянію чувства,

столь частаго у многихъ даровитыхъ натуръ, чувства зависти, стремленія если не дѣломъ, то хотя словомъ задержать или дискредитировать чужой успѣхъ, особенно если онъ становился на дорогѣ его собственной популярности. Чужимъ успѣхамъ, особенно въ отношеніи людей близкихъ, Н. И. радовался съ полнѣйшей искренностью, поддерживая ихъ, выдвигая, гдѣ и чѣмъ могъ. Къ себѣ, къ собственнымъ знаніямъ и способностямъ онъ относился съ такой же безусловно искренней скромностью. Сотни людей, обращавшихся къ нему за поддержкой, могли быть вполне увѣрены въ его горячемъ сочувствіи, въ его готовности оказать имъ помощь всеми ему доступными способами. Цѣлый день занятый работой, Н. И. однако всегда находилъ время и переговорить съ такими просителями, прочесть приносимые ему чуть не цѣлыми корзинами ежедневно статьи, драмы, стихи, дать о нихъ справедливый, хотя и въ самой деликатной и безобидной формѣ, отзывъ, написать рекомендательное письмо въ редакцію или знакомому, ободрить и поощрить начинающаго, поддержать разочарованнаго или уставшаго въ жизненной борьбѣ. Обладая большимъ критическимъ чутьемъ, Н. И., хотя былъ радъ хлопотать за всякаго, но всегда умѣлъ въ чужомъ произведеніи отыскивать искру Божью, и сколько начинающихъ писателей обязаны ему своей литературной карьерой! Если не мало слабыхъ произведеній печаталось редакторами только въ видѣ личнаго одолженія уважаемому ходатаю, то не менѣ весьма цѣнныхъ литературныхъ и художественныхъ трудовъ своевременно появились въ свѣтъ, только благодаря его усердной поддержкѣ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ домъ Н. И. былъ настоящимъ литературнымъ центромъ всей Москвы. Ежедневно здѣсь можно было встрѣтить то пріѣзжаго петербургскаго литератора, стараго знакомаго или новаго гостя, пришедшаго для знакомства или для выраженія своего уваженія далеко за предѣлами Москвы

извѣстному профессору, знатоку и меценату литературы, то маленькаго провинціального дѣятеля, нечуждаго литературѣ, явившагося съ просьбою походатайствовать о помѣщеніи какой либо статейки въ столичномъ изданіи, то иностранца, прибывшаго съ цѣлью изучать русскій языкъ, нѣмца, француза, англичанина, то начинающаго поэта или драматурга съ подозрительно отдувавшими карманами издаваемаго многіе виды стараго пиджака, изъ котораго въ кабинетѣ профессора стыдливо вылѣзали на свѣтъ объемистыя тетради — вѣра въ благодушіе слушателя не допускала возможности чеховской драмы, — то студентовъ или курсистокъ съ лекціями, то товарищей и друзей обоего пола. Цѣлое утро занятый то лекціями, то службой въ Румянцевскомъ музеѣ, а вечера посвящавшій на приготовленіе къ лекціямъ и ученія работы, Н. И. могъ принимать посѣтителей лишь ко времени обѣда, и за гостепріимнымъ столомъ его ежедневно можно было встрѣтить нѣсколько новыхъ гостей, переходившихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ изъ кабинета въ столовую.

Съ каждымъ Н. И. умѣлъ поговорить, каждаго умѣлъ пригрѣть и приласкать, и то и другое выходило совершенно естественно: первое — вслѣдствіе богатства и разнообразія его духовныхъ интересовъ, второе — потому, что любовь и ласка къ людямъ органически лежали въ его глубоко гуманной натурѣ. И каждый выходилъ отъ него съ приподнятымъ настроеніемъ, ободренный, согрѣтый его душевной теплотой, и не одинъ затасканный пиджачникъ скрывалъ въ темной прихожей краску стыдливой благодарности послѣ пожатія руки Н. И., чутьемъ догадывавшагося о стѣсненномъ положеніи посѣтителя. Изъ передней Н. И., точно виноватый, торопливо проходилъ въ свой кабинетъ.

Не могу не упомянуть здѣсь и о той роли, которую Н. И. игралъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ качествѣ его бібліотекаря. То было доброе, патріархальное время музея. Служащіе его были близки другъ

другу, и мѣста выбывающихъ занимали новые не по назначенію начальства, а по *liberum veto* музейныхъ чиновъ. По выходѣ въ отставку престарѣлаго ветерана музея, Е. Ѳ. Корша, общимъ единогласнымъ совѣтомъ всѣхъ музейныхъ чиновъ мѣсто это было предложено Н. И., какъ потомъ мѣсто директора—симпатичнѣйшему изъ его директоровъ, М. А. Веневитинову.

Какъ бібліотекаръ музея, Н. И. былъ незамѣнимъ; я не говорю о томъ, что Н. И. по своей натурѣ, конечно, могъ быть только лучшимъ товарищемъ, а не начальникомъ сослуживцевъ, но онъ превратился тотчасъ во всеобщаго совѣтника и книгочерпія. Возлѣ его стола, у одного изъ шкафовъ книгохранилища (кабинета Н. И. въ музеѣ не имѣлъ), всегда сидѣлъ кто-нибудь до „пронзительныхъ“ гимназистовъ включительно, выслушивая его ученый совѣтъ или записывая литературную справку; а, поднимаясь, посетитель уносилъ съ собою пакетъ съ книгами, которыя Н. И. щедро выдавалъ на свое имя.

Н. И. такъ любили и цѣнили въ музеѣ, что въ послѣдніе годы его бібліотекарства, когда тяжелый недугъ лишилъ его возможности ходить безъ посторонней помощи, сослуживцы ожидали на крыльцѣ музея его приѣзда и помогали ему пройти черезъ рядъ залъ къ его насиженному мѣсту. Невольный уходъ Н. И. изъ музея, о причинахъ котораго я не стану распространяться, чтобы не омрачать свѣтлой памяти этого чистаго и безгрѣшнаго человѣка, тяжело отразился на больномъ старикѣ; съ горечью рассказывалъ онъ мнѣ о незаслуженной обидѣ, прося однако, съ свойственной ему безпредѣльной добротой, не оглашать подробностей его отставки.

Большое значеніе имѣлъ Н. И. и для Общества любителей россійской словесности, котораго онъ былъ сначала временнымъ, а по смерти Н. С. Тихонравова, постояннымъ предсѣдателемъ. Отмѣчу здѣсь только, что, по мысли Н. И., Общество устроило рядъ вечернихъ засѣданій съ пѣніемъ и декламаціями, посвященныхъ памяти

отдѣльныхъ писателей и поэтовъ. Вечера эти пользовались огромнымъ успѣхомъ, причина котораго лежала въ организаторскомъ талантѣ Н. И., умѣвшаго привлечь къ нимъ лучшія литературныя и артистическія силы Москвы. Самъ Н. И., А. Н. Веселовскій, А. И. Южипъ, М. Н. Ермолова, М. П. Садовскій, артисты-пѣвцы А. И. Барцалъ, Хохловъ и многіе другіе привлекали на эти вечера массу публики.

Не могу не вспомнить здѣсь эпизода на одномъ изъ такихъ вечеровъ, ярко рисующаго удивительную простоту Н. И., для котораго не только не было среди людей дѣленія на эллиновъ и іудеевъ, но у котораго не было въ обращеніи разницы для простыхъ смертныхъ и сильныхъ міра сего—для всѣхъ одна и та же привѣтливость и истинно джентльменская вѣжливость, для всѣхъ одна и та же чарующая простота. На одинъ изъ вечеровъ прибылъ великій князь Сергій Александровичъ. Подѣхавъ къ музею съ обычнаго подѣзда для публики, Сергій Александровичъ поднялся по лѣстницѣ и не могъ найти входа въ залу, въ которой его ждали съ параднаго подѣзда. Случайно въ это время я, на обязанности котораго лежало устройство музыкальной части вечеровъ, опоздавъ къ началу, спускался изъ артистической уборной къ боковому выходу въ залъ, гдѣ и столкнулся съ Сергіемъ Александровичемъ. Я провелъ его черезъ маленькую боковую дверь на эстраду, гдѣ Сергій Александровичъ и занялъ свое мѣсто, поздоровавшись съ предсѣдателемъ. Въ срединѣ засѣданія былъ сдѣланъ перерывъ. Сергій Александровичъ вмѣстѣ съ членами Общества и артистами перешелъ въ боковую залу, гдѣ для насъ былъ приготовленъ чай. Чаепитіе продолжалось довольно долго, а публика начала томиться въ тропической жарѣ биткомъ набитой залы. Этикетъ придворный не позволялъ предложить великому князю войти въ залъ. Н. И., совершенно чуждый всякаго этикета, подошелъ къ Сергію Александровичу со словами: „В. В., роковая $\frac{1}{4}$ часа уже прошла“. Сергій Александровичъ извинился, за-

тушилъ папирску и вмѣстѣ съ Н. И. направился въ залъ.

Въ другой разъ Н. И., избранный членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, сдѣлалъ въ Петербургѣ визитъ великому князю Константину Константиновичу. Съ первыхъ же словъ онъ вступилъ съ нимъ въ горячую полемику по поводу разногласія въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ поэтовъ, а особенно Фета, въ послѣднихъ произведеніяхъ котораго Н. И. не находилъ поэзіи. Тѣмъ не менѣе собесѣдники разошлись настолько дружелюбно, что великій князь-поэтъ, окончивъ переводъ „Гамлета“, прислалъ его Н. И., какъ специалисту—шеспиологу, на оцѣнку, а Н. И. отвѣтилъ на это обстоятельнымъ критическимъ разборомъ перевода.

По смерти отца, Н. И. получилъ въ наслѣдство деревню Мармизовку Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи. Имѣніе это досталось Н. И. въ крайне разоренномъ состояніи; долговъ на имѣніи, правда, не было, но зато не было и необходимаго для хозяйства инвентаря, который за безцѣнокъ былъ распроданъ рачительнымъ опекуномъ впавшаго въ дѣтство старика-отца Н. И. (такъ большая партія овецъ, тысячи двѣ, была распродана опекуномъ чуть ли не по 1 руб. за штуку). Къ тому же изъ-за части имѣнія пришлось вести долгій процессъ съ сосѣдомъ и родственникомъ, кн. Орбеліани. Дѣло въ томъ, что И. Я. прикупилъ у своего родственника, кн. Орбеліани, кусокъ земли по т. н. улиточному праву (prawo wliczne дѣйствующаго еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи Литовскаго статута—по одному изъ §§ этого статута можно было продавать право на будущее наслѣдство). Старикъ И. Я., уплативъ старику Орбеліани всю покупную сумму за довольно значительный кусокъ земли, считалъ эту землю своею собственностью; однако, по смерти старика Орбеліани, одинъ изъ его сыновей, до истеченія срока десятилѣтней давности, возбудилъ процессъ къ Н. И. и, благодаря безпечности Н. И., не имѣвшаго даже адвоката для защиты своихъ интересовъ въ судѣ,

дѣло выигралъ—земля отошла къ Орбеліани, а послѣдній—долженъ былъ вернуть Н. И. покупную сумму. Орбеліани успѣлъ землю заложить; получивъ ссуду, новый владѣлецъ совершенно ею удовлетворился, бросивъ имѣніе на произволъ судьбы. Н. И. пришлось стать на торги и приобрести свою же землю съ солиднымъ банковскимъ долгомъ; покупную же сумму пришлось взыскивать въ теченіе 10 лѣтъ изъ жалованья Орбеліани, служившаго товарищемъ прокурора въ Кіевѣ. Эта, какъ ее называлъ Н. И., „рента“ и была чуть ли не единственнымъ его доходомъ съ имѣнія. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, Н. И. принялся за веденіе хозяйства въ имѣніи; сдавать имѣнія въ аренду онъ не хотѣлъ, такъ какъ это лишило бы его возможности оказывать помощь мѣстнымъ крестьянамъ.

Въ свою Мармизовку, начиная съ 1884 г. (до того онъ лишь изрѣдка пріѣзжалъ сюда навѣщать старика-отца), Н. И. пріѣзжалъ со всей семьей очень рано, обыкновенно передъ Пасхою и проводилъ тамъ все лѣто, до сентября, выѣзжая лишь въ маѣ въ Москву на время экзаменовъ. Въ деревню онъ обыкновенно привозилъ массу книгъ и цѣлое утро работалъ надъ лекціями или какими-нибудь научными статьями. Все его хозяйничанье сводилось къ тому, что онъ нанималъ приказчика, основательно его обкрадывавшаго, и, выслушивая его хозяйственные доклады, соглашался съ нимъ во всемъ. „Да, да, отлично, прекрасно“, соглашался онъ съ плутоватымъ, великолѣпно изучившимъ характеръ своего пана, довѣреннымъ. Не только о техникахъ хозяйства, но даже о различіи хлѣбовъ Н. И. имѣлъ самое смутное представленіе; границы собственныхъ владѣній оставались ему, кажется, до конца невѣдомыми. Ыдемъ мы куда-нибудь въ гости къ сосѣду на тройкѣ, управляемой кучеромъ Ювомъ, напоминавшимъ по своей худобѣ палку въ кучерскомъ армякѣ. „Посмотрите, какая у насъ прекрасная розь“, замѣчаетъ Н. И. „Та цежь Ходоліевска пшеница“,

поворачивается къ намъ возница. „Да, да, это Ходолеевская земля“, соглашается Н. И. „А вотъ Макушевское просо, неважное“, замѣчаетъ опять Н. И. „Та цежь наша земля“, поправляетъ опять Ювъ. „Да, да, я забыль, это наша земля“. Но эти неудачи въ діагнозѣ нисколько не смущали столь опытнаго хозяина, и, при каждомъ критическомъ наклонѣ экипажа на предательскихъ поворотахъ, Н. И. начиналъ басить голосомъ причетника: „чтеніе Юва, книга первая“...

Мармизовка—крошечная деревушка въ глуши Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи. Отъ Лохвицы до Мармизовки верстѣ 30 (никѣмъ, впрочемъ, не мѣренныхъ) да столько же отъ ближайшихъ станцій желѣзной дороги (Юсковцы и Талалаевка). Эта часть уѣзда степная и безводная—до Сулы, столь славной когда-то и полноводной рѣки, а теперь поросшей камышомъ сонной рѣченки—верстѣ 17. Усадьба Н. И. подходит вплотную къ деревушкѣ, отъ которой она отдѣляется лишь небольшимъ, заросшимъ тиною прудомъ. Обѣхавъ традиціонный, густо поросшій кругъ обширнаго двора (доморощенный садовникъ, засѣвая его обочины хорошо всходившими сѣменами, одинъ разъ засадилъ ихъ томатами, другой ризинусомъ—предметъ неистоимыхъ шутокъ Н. И.), подъѣзжаешь къ одноэтажному деревянному съ колоннами, хорошо сколоченному, помѣстительному помѣщичьему дому, выходящему одною террасою во дворъ, другою—въ садъ. Этотъ обширный, густо заросшій, овражистый, десятинь въ 15 садъ составлялъ главную прелесть усадьбы; въ верстѣ отъ усадьбы чернѣлъ маленькій лѣсокъ, десятинь въ 30, любимое мѣсто пикниковъ мармизовскихъ лѣтнихъ обитателей.

Ближайшимъ сосѣдомъ Н. И. былъ старый пріятель его отца, Н. Ю. Ходолей; между семьею Н. И., семьею Н. Ю. Ходолея и его родственниками, выдающимися мѣстными дѣятелями Русиновыми (одинъ изъ нихъ, А. Ф., долго былъ предводителемъ дворянства Лохвицкаго уѣзда), сразу установились самыя тѣсныя отно-

шенія. Н. И. лично почти не принималъ участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, хотя и бывалъ на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ (для послѣднихъ онъ гдѣ-то раздобывалъ непомѣрно узкій дворянскій мундиръ), но всегда ими очень интересовался и горячо сочувствовалъ доброй просвѣтительной дѣятельности молодыхъ энергичныхъ сосѣдей, радуясь ихъ успѣхамъ, поддерживая ихъ бодрость въ борьбѣ съ провинціальною лѣнью. А этой лѣни, стараго „моя хата съ краю“ еще въ началѣ 80-хъ годовъ былъ полонъ глухой Лохвицкій уѣздъ. Равнодушіе ко всему, что выходило за предѣлы узкой мѣстной жизни, мѣстныхъ счетовъ и пересудовъ, было характерною чертою мѣстныхъ помѣщиковъ. Помню, какъ однажды пріѣзжаетъ къ Н. И. сосѣдь и даже отдаленный родственникъ. Гоститъ цѣлый день, болтая безъ умолку о мѣстныхъ дѣлахъ-дѣлишкахъ. Вечеромъ за ужиномъ на вопросъ, что новаго въ газетахъ (послѣднія получались съ оказіею изъ города не чаще раза въ недѣлю), сосѣдь припомнилъ: „да тій, якъ его ... та що выдававъ Московскі Відомости...“ — „Катковъ?“ — „Эге, Катковъ“... „Что такое?“... „Та пішуть, що вмеръ...“ „Господи, Боже мой!“ воскликнула О. И.: „Вы только теперь объ этомъ вспомнили?“... „А щожъ, вмеръ, такъ вмеръ, вінъ вже мабуть бувъ старій“.

Но не одни близкіе и дальніе сосѣди заѣзжали въ гостепріимную усадьбу Н. И. Всѣ близкіе и дальніе пріятели его постоянно приглашались имъ погостить въ родную Мармизовку, поѣсть безподобнаго борща изъ сухихъ карасей, шедевръ стараго Павла, жирнаго крупеника и варенцовъ (даже воспѣтыхъ нами совместно въ стихотворной одѣ). Мармизовка нерѣдко съ самаго начала весны, когда старья деревья обширнаго сада чуть одѣвались зелеными почками, вѣчно была полна близкими и дальними гостями. И. И. Янжуль, М. М. Ковалевскій, В. И. Сизовъ, семья Угримовыхъ, В. И. Семевскій, А. Н. Веселовскій, студенты, курсистки, учительницы, безконечный рядъ друзей и

знакомыхъ ежегодно на болѣе или менѣе продолжи-
тельное время заѣзжали въ глухую деревушку, став-
шую скоро культурнымъ центромъ глухого уѣзда.
Рѣдкое гостепріимство, сердечность, привѣтливость,
живость и веселость хозяевъ дѣлали пребываніе въ
Мармизовкѣ прямо обаятельнымъ; заѣхавшіе туда на
денекъ-другой засиживались по недѣлямъ, мѣсяцамъ;
трудно было разстаться съ такою безконечно привле-
кательною семьею, и съ новымъ лѣтомъ опять тянуло
туда отдохнуть, успокоиться и посвѣжить душою.

Съ перваго же года переѣзда въ деревню Н. И.
обратилъ вниманіе на полнѣйшее отсутствіе медицин-
ской помощи въ цѣлой обширной окружности. Зем-
скій врачъ жилъ въ 25 верстахъ отъ Мармизовки.
Больной или лѣнивый—не знаю—но онъ не любилъ
обѣздовъ своей медицинской епархіи, и о рѣдкихъ
посѣщеніяхъ его вспоминали лишь старожилы, какъ о
событіяхъ. Н. И. рѣшилъ устроить у себя частный
медицинскій лѣчебный пунктъ. Ежегодно онъ при-
глашалъ или студента старшаго курса, или молодого
врача на цѣлое лѣто въ Мармизовку, выписывалъ
массу лѣкарствъ и устроилъ во флигелѣ цѣлую амбу-
латорію. Слава Мармизовской лѣчебницы скоро рас-
пространилась по всему Лохвицкому уѣзду. Больные
наѣзжали сюда за 20—30 и болѣе верстъ. По вос-
креснымъ и праздничнымъ днямъ къ амбулаторіи сте-
калось иногда болѣе сотни больныхъ. Врачу помогали
Н. И., О. И. и многіе гостившіе въ Мармизовкѣ —
одни записывали больныхъ, другіе приготавливали по-
рошки и капли, бинтовали, смазывали, раздѣвали и
одѣвали больныхъ. Даровыхъ лѣкарствъ раздавалось
на нѣсколько сотъ рублей въ годъ. Въ отсутствіе врача
больные обращались непосредственно къ Н. И., въ
полномъ убѣжденіи, что онъ-то и есть главный врачъ:
„вѣнъ самъ лікаръ, тѣлько не хоче лічить, та наймае
за себе лікаря“.

Не въ одномъ устройствѣ лѣчебнаго пункта выража-
лись заботы Н. И. о мѣстномъ населеніи.

Его безконечно-доброе сердце не могло равнодушно видѣть чужую нужду, горе, лишенія; отказывать просящему Н. И. не умѣлъ; для него было достаточно просьбы—просить, значить, нуждается; при своей рѣдкой деликатности, онъ не могъ и не хотѣлъ дѣлать слѣдствіе надъ степенью нужды просящаго, его рука тотчасъ же опускалась въ карманъ, и онъ со вздохомъ, порою съ нескромною слезою повторялъ свое любимое—*miseria, miseria*. Эту черту его быстро изучили сосѣди-крестьяне и нерѣдко эксплуатировали ее. Одинъ попросить пару деревьевъ на постройку хаты и оголеть цѣлую площадку, другой привезетъ въ колысочкѣ новорожденныхъ двойчатъ, и Н. И. отведетъ ему десятину на ихъ прокормленіе, третій попросить пудъ муки и свезетъ кстати съ поля цѣлую копу хлѣба. Не забуду одного характернаго случая: крестьянинъ былъ уличенъ приказчикомъ въ похищеніи съ поля полъ-копы хлѣба; является виновный съ повинной: „простыть пане, бѣсъ попутавъ“ ... „Да, *miseria, miseria*“, повторяетъ Н. И., и привычная рука его лѣзетъ въ карманъ за двугривеннымъ... А тою же ночью раскаявшійся преступникъ свозитъ съ помѣщичьяго поля на свое гумно уже цѣлую копу...

И тѣмъ не менѣе въ эпоху аграрнаго движенія 1904—5 г. мѣстные крестьяне на сходѣ постановили отобрать всю землю у Н. И., оставивъ его дѣтямъ по 20 десятинъ на cadaго, ему же самому рѣшили не отдѣлять ничего, „бо вінъ на царской службѣ мае жалованье“. Да, глубоко былъ правъ Н. И. своимъ „*miseria, miseria*“.

Всѣ старые слуги отца (изъ бывшихъ еще крѣпостными) остались служить Н. И.—и мрачный Павло, горьчайшій пьяница, дававшій строгій зарокъ не пить въ теченіе лѣтняго пребыванія Н. И. въ Мармизовкѣ и напивавшійся до положенія ризъ, лишь только тройка сѣрыхъ съ семьею Н. И. выѣзжала изъ воротъ на выгонъ, ярый консерваторъ въ кулинарномъ искусствѣ, съ саркастическою улыбкою выслушивавшій книжные

рецепты какого-нибудь незнакомаго блюда и неизменно вставлявшій свое критическое замѣчаніе: „тутъ треба ще кардамону додати“, — и такой же горькій пьяница „камардинъ“ Гаврило. Про послѣдняго Н. И. любилъ рассказывать, какъ онъ, отправившись съ женою, раздѣлявшею съ нимъ симпатіи къ акцизному вѣдомству, на ярмарку, зашелъ въ балаганъ. Балаганный „дідъ“ начиналъ представленіе рядомъ шаблонныхъ прибаутокъ: „эй ты, рыжій-красный, человекъ опасный, не подходи близко, балаганъ подожжешь“, „эй ты, Гаврило, пьяное рыло...“ Услыхавъ послѣднюю реплику, жена Гаврила обиженно поднялась съ мѣста: „ходимъ, Гаврило, до дому, вже насъ тутъ знаютъ...“ Любимцемъ Н. И. былъ старый Петро, своеобразный философъ, на попеченіи котораго были, главнымъ образомъ, самовары и всѣ дворовые псы. Петра можно было видѣть или за чистою самоваровъ, или за угощеніемъ собакъ, которымъ онъ давалъ клочки и ссоры которыхъ онъ прекращалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, безстрашно вскакивая въ стаю воюющихъ и разлучая враговъ сильными ударами пудового сапога. Петро жилъ въ нелегальномъ бракѣ и имѣлъ кучу дѣтей. На вопросы Н. И., почему онъ не женится на своей сожительницѣ, философъ отвѣчалъ: „на що? якъ любить, то буде и безъ вінця жить, а якъ не любить, то и жінкою покіне“. Страстный шекспирологъ, Н. И. и среди мармизовскихъ четвероногихъ открылъ собачьяго короля Лира, старую овчарку, Жука: на старости лѣтъ искусанный однимъ изъ своихъ неблагодарныхъ сыновей, какимъ-то Валетомъ, Жукъ оставилъ хозяйскій дворъ, удалился въ садъ къ ночному сторожу и никогда болѣе не выходилъ изъ своего добровольнаго изгнанія, гдѣ его навѣщаль въ своихъ прогулкахъ Н. И., любовавшійся стойкостью характера обиженнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ старика.

Н. И. женился поздно (43 лѣтъ) и прожилъ 16 лѣтъ счастливою семейною жизнью. Жена Н. И., Ольга

Ивановна, была женщиною съ сердцемъ и характеромъ; радушная и привѣтливая, прямая и открытая, она умѣла привлекать своею добротою и сердечностью, и маленькая квартира молодыхъ, какъ и нѣсколько большая въ Ружейномъ переулкѣ на Плющихѣ, была всегда полна народомъ, нигдѣ не чувствовавшимъ себя такъ уютно и тепло, какъ за скромнымъ, но вѣчно открытымъ, гостепріимнымъ столомъ радушныхъ хозяевъ. Тутъ читались литературныя новинки, горячо обсуждались университетскія и общественныя дѣла, декламировалось свѣжеиспеченное стихотвореніе, или передавалась въ лицахъ драма молодого автора, кто-нибудь садился за рояль и пѣлъ романсъ, а порою и всѣ, каждый какъ могъ и чѣмъ могъ, затыгивали хоровую. Неисправимый спорщикъ Н. В. Бугаевъ излагалъ здѣсь свою теорію монадь, горячо возражая несуществующимъ оппонентамъ; классически разсѣянный философъ С. А. Юрьевъ, оканчивая въ передней свои безконечныя философскія споры, пытался вмѣстобобровой шапки надѣть на свою сѣдовласую философскую голову мирно нѣжившагося на окнѣ хозяйскаго кота; не „дерзкій и смѣлый“, а еще очень скромный тогда птенецъ, поэтъ Бальмонтъ, первыми своими литературными шагами всецѣло обязанъ Н. И., тихо прочитывалъ стансы, въ которыхъ еще были тогда цвѣты маленькой непосредственной лирической поэзіи и поэтической смыслъ; вѣчно юный П. Д. Боборыкинъ, бѣгая по залѣ и не слушая никакихъ возраженій, развивалъ свою теорію романа или передавалъ эпизоды изъ своихъ безконечныхъ странствій по бѣлу свѣту; В. С. Соловьевъ, характерная библейская фигура, молодой старецъ, съ сѣдыми волосами и черными бездонными глазами, захлебывался своимъ дѣтскимъ смѣхомъ, слушая остроумныя шутки хозяина, а на другомъ концѣ стола ему вторилъ разительнымъ смѣхомъ „горошкомъ“ вѣчный студентъ, милѣйшій В. И. Сизовъ; неизмѣримыя фигуры трехъ колоссовъ, И. И. Янжула, М. М. Ковалевскаго и С. А. Усова, заполняли весь крошечный кабинетъ пріятеля;

въ дверяхъ его толпились не столь „вѣскіе“, схватывавшіе на-лету неистощимый запасъ анекдотовъ московскаго зоолога и рѣдкаго знатока искусства, а юный нѣмецъ, ученый Эрихъ Бернекеръ съ благоговѣніемъ впитывалъ въ себя слова Л. Н. Толстого, развѣчавшаго стараго англичанина Шекспира.

Смерть горячо любимой жены глубоко потрясла сильный организмъ Н. И. Заболѣвъ хроническою (сахарною) болѣзнию, О. И., несмотря на всѣ настоянія Н. И., не хотѣла подчиниться предписанной ей строгой діетѣ, хотя и понимала всю опасность своего положенія. Все чаще и чаще стали повторяться тяжелые припадки, и О. И. отлично сознавала, что одинъ изъ нихъ можетъ окончиться катастрофою. Заболѣвъ послѣднимъ, самымъ тяжелымъ припадкомъ, она почувствовала приближеніе конца и встрѣтила смерть съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа: сообщивъ Н. И. всѣ свои послѣднія желанія, отдала цѣлый рядъ распоряженій и даже взяла съ Н. И. слово вскрыть ее послѣ смерти для медицинскаго изслѣдованія тѣхъ органовъ, измѣненіе которыхъ, по мнѣнію врачей, являлось причиною ея болѣзни... Напрасно я утѣшалъ Н. И. чудными словами Достоевскаго: „одна минута блаженства, да развѣ этого мало для цѣлой жизни? А вѣдь Вы прожили счастливо 16 лѣтъ...“ Н. И. былъ неутѣшенъ. Вскорѣ я замѣтилъ у него частое дрожаніе вѣкъ и настойчиво просилъ его заняться серіозно лѣченіемъ—Н. И., очень рѣдко болѣвшій, долго не прибѣгалъ къ медицинскому осмотру, и сталъ серьезно лѣчиться только тогда, когда его болѣзнь стала сильно прогрессировать. Болѣзнь его выразилась въ прогрессивномъ ослабленіи центровъ двигательныхъ, походка его стала неровною и все болѣе и болѣе затруднительною; гдѣ-то Н. И. прочелъ описаніе симптомовъ аналогичныхъ явленій и называлъ свою болѣзнь болѣзнию Паркинсона (англійскаго врача, впервые ее изслѣдовавшаго); „сначала“, говорилъ онъ, „я буду сидѣть, а потомъ только лежать“. Послѣдніе годы онъ

не только съ большимъ трудомъ двигался, но даже не могъ одѣться и раздѣться безъ посторонней помощи. „Писать для меня теперь цѣлое событіе“, писалъ мнѣ Н. И. Его и безъ того очень мелкій почеркъ сталъ почти микроскопическимъ; дрожащей рукой написанныя строчки становились все болѣе косыми и неувѣренными, а диктовать онъ не умѣлъ. И однако до послѣдняго дня онъ продолжалъ и читать, и даже научно работать; его голова оставалась до послѣдней минуты свѣжей, и своимъ старымъ неизмѣннымъ юморомъ онъ поддерживалъ бодрость въ близкихъ, съ тревогою видѣвшихъ медленное, но вѣрное разрушеніе его сильнаго организма.

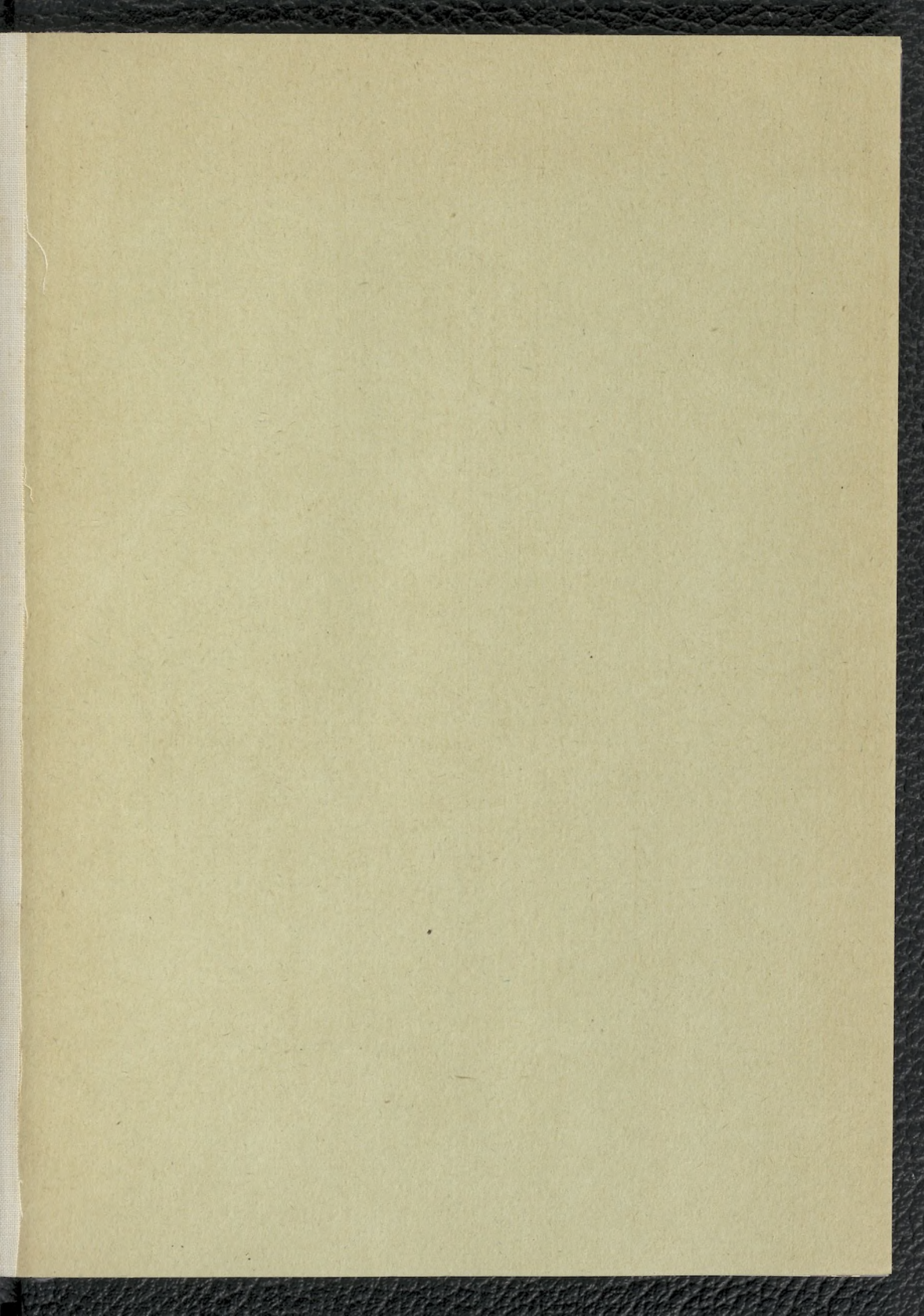
Н. И. болѣе всего на свѣтѣ боялся ослѣпнуть и быть заживо погребеннымъ. „Потерявъ зрѣніе, я бы не могъ жить и покончилъ бы съ собою“, говорилъ онъ мнѣ. Но судьба, лишивъ его способности движенія, сохранила ему до конца его умственное и физическое зрѣніе. Къ нему до послѣдняго дня его жизни стекались пріятели и знакомые не какъ къ реликвіи, а какъ къ живому человѣку, всегда готовому горячо раздѣлить чужую радость и горе, помочь дѣломъ и совѣтомъ. Въ лѣтописяхъ многострадальной русской жизни навсегда сохранится свѣтлая и дорогая память о немъ, русскомъ Баярдѣ, рыцарѣ безъ страха и упрека, и въ нашемъ немногочисленномъ Пантеонѣ лучшихъ людей его имя будетъ всегда теплиться неугасимымъ свѣтомъ наряду съ именами Грановскаго и Кудрявцева, какъ одного изъ апостоловъ любви и гуманности.

ДУБЛЕ

13086/III

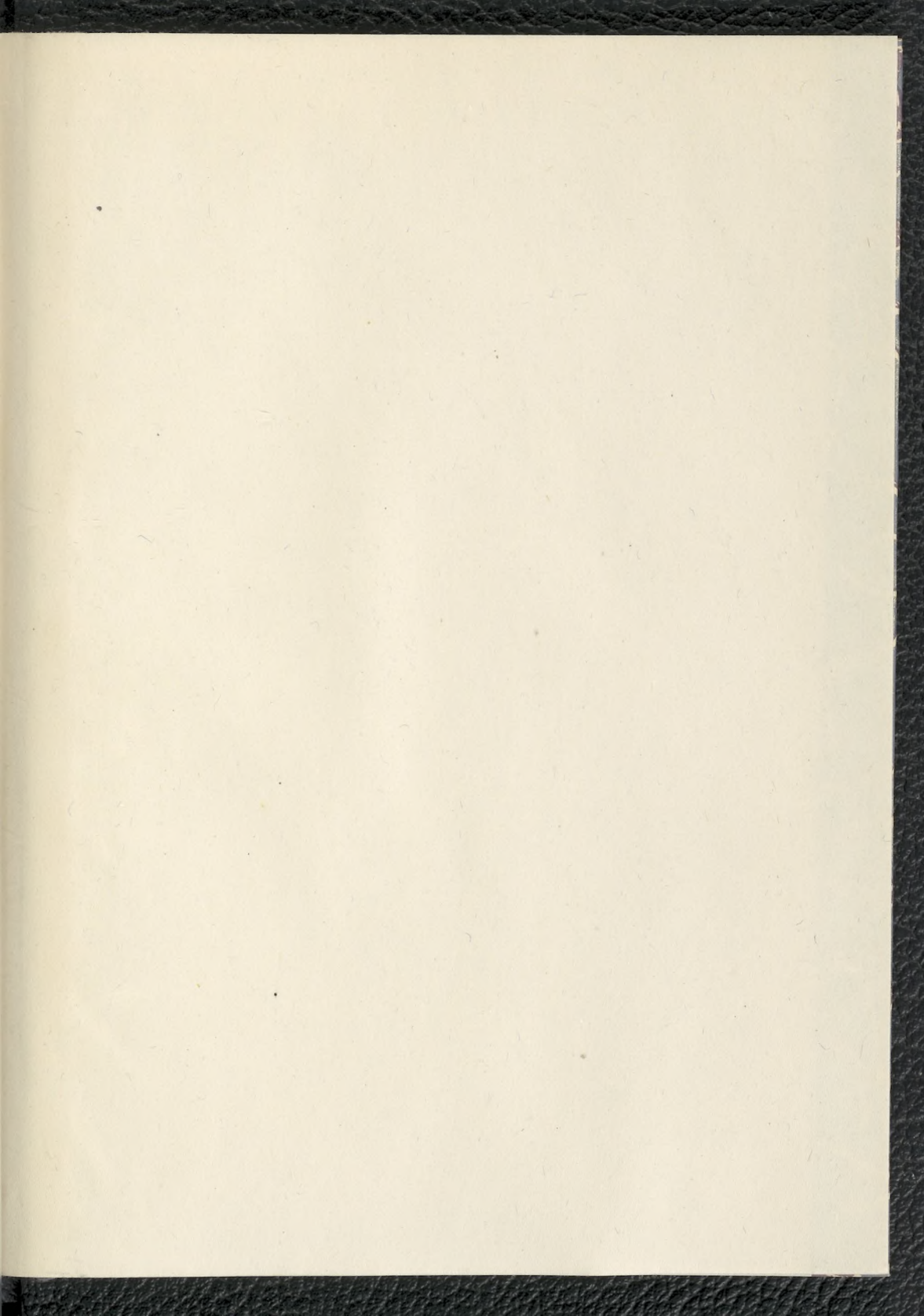

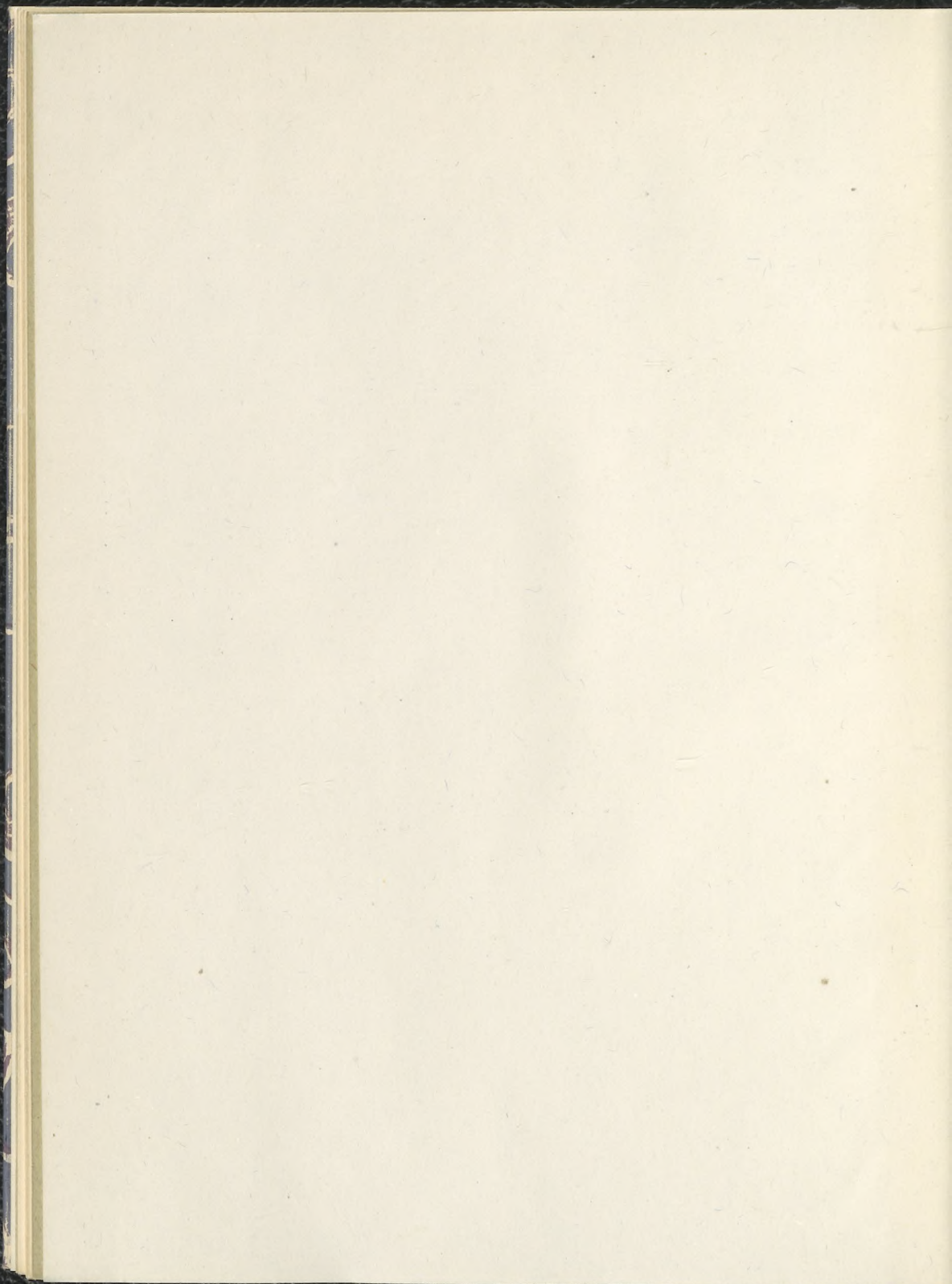

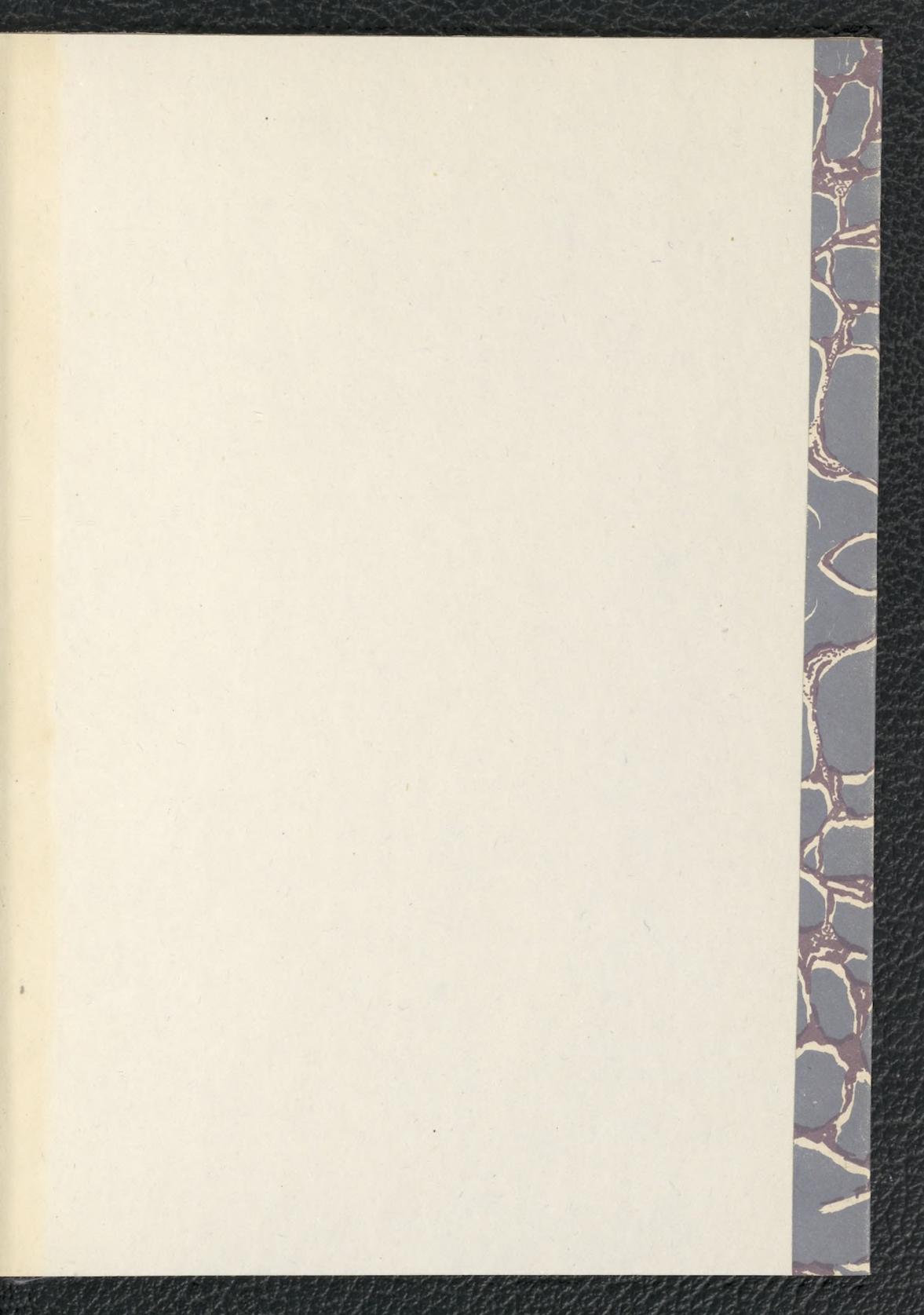

BIBLIOTEKA
NARODOWA

73779

BN

BN

BN

Biblioteka Narodowa
Warszawa

30001017623733